

И. Н. Гребенкин

Военная бюрократия и военные бюрократы: от Российской империи к Республике Советов

Проблема преемственности институтов обороны, воинской службы и военной традиции России в условиях революционных преобразований первой четверти XX в. — сравнительно новая для отечественной историографии. Первыми к ней обратились исследователи, заинтересовавшиеся судьбами военных профессионалов в годы Гражданской войны¹. В ряде работ освещен институциональный аспект проблемы². Занятые в этой области ученые оказались перед необходимостью расширить хронологические пределы своих поисков, обращаясь как к дореволюционному, так и к советскому периодам отечественной истории. Подобный подход встречаем в современных трудах по истории офицерского корпуса и военной элиты России, выполненных в социоисторическом жанре³. Все они могут считаться серьезной основой для дальнейших исследований роли военного управления и его учреждений в политических событиях революционной эпохи.

История формирования в России военно-бюрократического аппарата и военных администраторов как особой категории в среде офицерства восходит к петровской военной реформе начала XVIII в. Особенно интенсивный характер бюрократизация военного управления приобрела в эпоху Великих реформ второй половины XIX в. Этому

**Гребенкин
Игорь Николаевич**
д-р ист. наук,
проф., Рязанский
государственный
университет
им. С. А. Есенина
(Рязань, Россия)

способствовала военная реформа Д. А. Милютина, которая вызвала быстрый и неуклонный рост военно-управленческого аппарата всех уровней: от штабов частей и соединений и территориальных военно-административных органов до Военного министерства и его структур. К началу XX в. бюрократический инструментарий и методы управления стали одной из неперемennых черт деятельности военного ведомства императорской России.

Неизбежное углубление специализации в области военного управления и администрации привело к формированию особой, немногочисленной, но влиятельной группы военных управленцев, олицетворявшей военную элиту новой эпохи — корпуса офицеров Генерального штаба, который представляли лица с высшим военно-академическим образованием, преимущественно выпускники Николаевской академии Генерального штаба (с 1908 г. — Николаевской военной академии). Основными критериями их отбора становились профессиональные качества и способности, проявленные в период обучения в академии. Для офицеров со скромным происхождением академический курс оказывался наиболее обещающим путем к началу успешной карьеры.

Такое положение обусловило наблюдавшиеся преимущественно в высших эшелонах военного командования отношения соперничества между службой Генерального штаба и представителями гвардейского офицерства. В гвардейско-придворной среде принято было ставить под сомнение значение военно-академической подготовки и профессионализм генштабистов. Типичная для этого круга оценка принадлежит генерал-адъютанту В. С. Кочубею: «Высшее начальство вооруженных сил России составлено из военных мандаринов, произвольно толкующих фантастическую науку, ничего общего не имеющую с трагическим объектом современной войны»⁴. В массе строевого офицерства военные бюрократы-генштабисты также не пользовались бесспорным авторитетом. Указывая на существовавшее раздражение по отношению к ним, генерал-майор Генерального штаба, профессор Николаевской военной академии Б. В. Геруа писал: «В строю не любили офицеров Генерального штаба. <...> В этой неприязни к Генеральному штабу, ведшей к отчуждению от него строя, серьезную роль играло наличие в среде первого заносчивых людей, считавших себя после получения значка и аксельбантов, непогрешимыми. <...> Офицеры этого типа держали себя самоуверенно, высокомерно и наставительно даже со старшими строевыми начальниками, а с младшей братией обращались небрежно, бестактно и даже грубо»⁵. Тем не менее к началу Первой мировой войны высший командно-штабной уровень если и не был монополизирован совершенно, то в основном контролировался офицерами Генерального штаба, объединенными в большей степени прагматическими взглядами и профессиональными интересами, нежели сословно-монархическими представлениями.

С началом войны органы военного управления и военные учреждения стали весьма значимыми для всех сфер жизни России. В силу исключительной важности задач обороны высшее военное командование оказывало огромное влияние на выработку внутренней и внешней политики государства, на принятие административных и хозяйственных решений, что отразилось в первую очередь на системе государственного управления империей. Одно из центральных мест

в ней заняла Ставка Верховного главнокомандующего, созданная для руководства армией на театрах военных действий. Наряду со Ставкой управление вооруженными силами продолжало осуществлять и Военное министерство, в ведении которого оставались задачи укомплектования и снабжения армии, а также прохождения службы личным составом. Спешно подготовленное и принятое 16 июля 1914 г. Положение о полевом управлении войск в военное время не устанавливало подчинения военного министра Верховному главнокомандующему и согласование их работы целиком зависело от императора. Это заведомо создавало почву для конфликта интересов командования действующей армией и военных учреждений тыла, а впоследствии и правительственных структур, что стало еще одной гранью в развитии кризиса власти.

В условиях неудовлетворительной работы тыла деятельность Ставки и лиц, ее фактически возглавлявших, приобретала характер постоянной борьбы с правительством за интересы действующей армии. По мере затягивания войны в среде высшего военного командования зрело убеждение в том, что существующий государственно-политический режим не ведет Россию и ее армию к победе. Подобная позиция импонировала представителям генералитета, которые таким образом склонны были снимать с себя максимум ответственности за военные неудачи и состояние войск, возлагая ее на правительство. Эти обстоятельства провоцировали политическую оппозицию в среде военной верхушки, которая, не будучи по сути антимоноархической, ситуативно тяготела к либеральной фронде, не прекращавшей критику правящего лагеря. В 1916 г. среди руководства Ставки во главе с М. В. Алексеевым вынашивалась идея военной диктатуры, которая, однако, не могла найти поддержки на высшем государственном уровне. Характеризуя обстановку политического противостояния, сложившуюся на рубеже 1916–1917 гг., дворцовый комендант, генерал В. Н. Воейков, чье мнение отражало взгляды придворных кругов, называл Ставку Верховного главнокомандующего в числе центров «революционного брожения»⁶. К моменту Февральской революции аппарат военного управления царской России был вовлечен в конфронтацию политических сил и поэтому уже не являлся надежной опорой власти на случай внутренних волнений.

Участие военно-бюрократических институтов и контингента многочисленных штабов и военных учреждений в революционных событиях февраля — марта 1917 г. представляется весьма противоречивым явлением. Важнейшей его составляющей следует считать ту определяющую роль, которую сыграла Ставка Верховного главнокомандующего в низложении Николая II. В разгар массовых протестов в Петрограде инициативу в политическом ориентировании первых лиц Ставки и самого императора перехватил председатель Государственной думы М. В. Родзянко — лидер одного из центров противостояния правительственной власти. Обращаясь к М. В. Алексею и Николаю II, Родзянко в качестве единственного выхода из кризиса настаивал на выполнении своего основного политического требования — созыве «ответственного министерства»⁷. Одновременно он предпринял зондаж главнокомандующих войсками фронтов, продублировав в их адрес телеграмму, предназначенную Алексею. Генералы склонялись к мнению, что предполагаемые реформы не подрывали

основ государственности, но послужили бы прекращению беспорядков, недопустимых во время войны. Таким образом, первые лица в Ставке и командовании фронтами находились в непосредственном контакте с думскими лидерами и готовы были к соглашению с ними.

После отъезда императора в Петроград ранним утром 28 февраля из расположенной в Могилеве Ставки власть и возможности фактического главы действующей армии оказались сосредоточены в руках начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала М. В. Алексеева. От его решений теперь в огромной мере зависело то направление, в котором должен был разрешаться кризис. Ставя превыше всего интересы фронта и продолжения вооруженной борьбы с врагом, Алексеев считал, что никакие политические уступки Думе не таят в себе той опасности, какую в военное время может представлять внутренняя усобица. За сутки политическая активность Ставки и в первую очередь Алексеева значительно возросла, однако, выступая на стороне Родзянко, он четко обозначал мотивы, имевшие скорее профессиональную природу. Главными обстоятельствами, которые тревожили генералитет, были вовсе не перемены в высших правительственных эшелонах, а последствия революционного переворота и внутреннего противостояния для действующей армии, промышленности, транспорта, ставившие под сомнение возможность продолжения войны.

Как известно, царский поезд не был пропущен к столице и только вечером 1 марта прибыл в Псков, где находился штаб Северного фронта. С этого момента военные вышли на первое место по значимости воздействия на Николая II. Если из Ставки усилия по выбиванию из царизма политических уступок координировал лично Алексеев, то практически исполняли его указания в Пскове главнокомандующий войсками Северного фронта генерал Н. В. Рузский и чины его штаба. Именно Рузскому удалось добиться от царя сначала согласия на созыв «ответственного министерства», а затем и на отречение от престола. Особого внимания заслуживает то, что проекты соответствующих императорских манифестов были подготовлены в Штабе Верховного главнокомандующего под руководством генерал-квартирмейстера Ставки А. С. Лукомского.

Среди представителей высшего командования (по крайней мере, в кругах, близких к Алексееву) прагматичный профессиональный взгляд, несомненно, возобладал над соображениями преданности лично монарху. Всего за двое суток с момента отъезда императора Ставка совершила эволюцию от лояльной исполнительницы царской воли до активного помощника Временного комитета Государственной думы, а затем и Временного правительства. Чтобы повлиять на решения Николая II, Алексеев и его ближайшие сотрудники сумели мобилизовать такие возможности, какими думские деятели, конечно, не располагали. В организации царского отречения позиция и поведение высшего командования действующей армии в кризисный момент сыграли решающую роль.

В Петрограде главной опорой правительства в случае начала волнений были войска столичного гарнизона, которые почилились командованию и штабу Петроградского округа и Военному министерству. Согласно плану, разработанному и введенному в начале 1917 г. Министерством внутренних дел, воз-

главляемым А. Д. Протопоповым, в случае масштабных беспорядков в столице руководство всеми мероприятиями по их подавлению передавалось военному командованию с подчинением ему всех полицейских сил. В дальнейшем этот план критиковал опытный жандармский генерал А. И. Спиридович, указывая на то, что защита порядка в столице оказывалась в руках войсковых начальников и штабов, не знакомых с полицейско-административной службой и спецификой борьбы с уличными беспорядками⁸.

Наиболее высокопоставленными воинскими начальниками в Петрограде были военный министр, генерал от инфантерии М. А. Беляев — четвертый военный министр за время войны, занявший на этот пост с 3 января 1917 г. при явном участии императрицы, и главнокомандующий войсками Петроградского военного округа, генерал-лейтенант С. С. Хабалов — до недавнего времени военный губернатор Уральской области. Назначение этих лиц на столь ответственные должности вполне отражало кризис кадровой политики царизма: их предшествующая служба проходила на штабных и военно-административных постах и оба, по сути, являлись военными бюрократами, не подготовленными к тому, чтобы возглавить войска в сложной обстановке.

Приказ о назначении частей гарнизона для охраны порядка в городе был отдан 13 февраля, накануне открытия заседаний Государственной думы и ожидавшихся в связи с ним беспорядков. В следующие дни, согласно «первому положению» упомянутого выше плана, руководство войсками, выделенными на помощь полиции, сохранялось за гражданскими властями в лице петроградского градоначальника генерала А. П. Балка. Только с началом массовых выступлений населения Петрограда, после полудня 23 февраля, последовал приказ о передаче охраны порядка и спокойствия в столице военным властям. Непосредственное руководство войсками возлагалось на исполняющего должность начальника войсковой охраны Петрограда полковника В. И. Павленкова. Он и его штаб разместились в здании градоначальства на углу улицы Гороховой и Адмиралтейского проспекта, здесь же находились генерал Хабалов и начальник штаба округа генерал М. И. Тяжелников. Связь с начальниками войсковых районов и полицмейстерами осуществлялась по обычному городскому телефону. В первые дни восстания все руководство сводилось к телефонному обмену информацией и личным докладам начальников войсковых районов, которые происходили ежедневно около 22 часов⁹. Ни генерал Хабалов, ни военный министр Беляев, ни тем более начальники рангом ниже не готовы были взять на себя ответственность за решительные действия.

Поступившая вечером 25 февраля в адрес генерала Хабалова телеграмма Николая II из Ставки категорически требовала прекращения беспорядков в столице самыми решительными мерами. В результате около 22 часов Хабалов все же отдал начальникам районов войсковой охраны приказ — при неповиновении открывать огонь по демонстрантам. Тем не менее, несмотря на применение войсками оружия, 26 февраля властям не удалось изменить обстановку в свою пользу. В этот же день произошли первые случаи столкновений войск и полиции и войсковых команд между собой. Вечером начальник Петроградского охранного отделения генерал-майор К. И. Глобачев докладывал Хабалову о том,

что войска ненадежны, но тот в ответ с раздражением заявил, что не может этому поверить¹⁰. Впоследствии очевидцы отмечали, что Хабалов либо легкомысленно недооценивал события, либо намеренно пытался скрыть их сущность в докладах вышестоящему командованию. В пользу этого говорит и содержание телеграмм Хабалова от 25 и 26 февраля в Ставку, которые, вне всякого сомнения, докладывались царю. В них автор, фиксируя внимание на частностях, уходит от серьезных оценок масштабов и опасности происходящего¹¹. В результате о развитии событий в Петрограде Ставке становилось известно благодаря телеграммам председателя Государственной думы М. В. Родзянко, преподносившего сведения в выгодном для себя свете, с выгодными для себя комментариями и умозаключениями. Таким образом, Хабалов упускал не только военно-исполнительную, но и политическую инициативу.

С началом восстания в частях столичного гарнизона 27 февраля командование Петроградским военным округом окончательно утратило способность управлять войсками и вынуждено было, прекратив сопротивление, сдаться новым властям. Ответственность за поражение правительственных войск в столице, несомненно, ложилась на высших воинских начальников. Их профессиональные и волевые качества и прежний служебный опыт не соответствовали тем требованиям, которые предъявила им обстановка. Воспринимая революционные события более как военный конфликт, а себя как воюющую сторону, генералы не готовы были ориентироваться в политическом пространстве. Ни Хабалов, ни Беляев без соответствующего политического руководства оказались не в состоянии принять самостоятельное решение и взять на себя всю полноту ответственности: разгромить Думу, в которой они видели один из источников бунта, или подчиниться ей как легитимному государственному институту. С этим они вынуждены были признать свое поражение и сойти со сцены, но для множества офицеров, в том числе служащих в штабах и учреждениях, единственно возможным и закономерным решением становился выбор в пользу новой власти.

Организационный центр восстания в лице Петроградского совета рабочих депутатов и Временного комитета Государственной думы крайне нуждался в собственной структуре, которая координировала бы военную деятельность. Формирование такого штаба с известной долей стихийности и импровизации началось в структуре Временного исполнительного комитета Петроградского совета. К вечеру 27 февраля в Таврический дворец, где работал Временный исполком, прибыли служащий Николаевской военной академии С. Д. Масловский и старший лейтенант флота В. Н. Филипповский — оба эсеры, принимавшие участие в создании революционных офицерских групп в 1905–1907 гг. Они присоединились к работе революционного штаба тех незначительных пока военных сил, которые имелись в распоряжении Совета и Временного комитета Государственной думы, для противостояния правительственным войскам.

Параллельно днем 27 февраля в Таврическом дворце была образована Военная комиссия Временного комитета Государственной думы, получившая также название «штаб А. Ф. Керенского». По инициативе последнего в ночь на 28 февраля Временный комитет Государственной думы объявил о назначении

председателем комиссии и одновременно начальником гарнизона и комендантом Петрограда члена Временного комитета, Генерального штаба подполковника Б. А. Энгельгардта. Это решение вызвало резкие протесты «советской» части штаба и офицеров-фронтовиков. Соглашение было достигнуто, когда Временный комитет заявил о согласии на то, чтобы Военная комиссия контролировалась Петросоветом. К работе в Военной комиссии Энгельгардт привлек ряд офицеров Генерального штаба: генерал-майора Г. Д. Романовского, полковников Г. А. Якубовича, князя Г. Н. Туманова, Л. С. Туган-Барановского, У. И. Самсон-Гиммельшерну, П. А. Половцова, подполковников В. П. Гильбиха, В. Л. Барановского. Переход этих офицеров на сторону Думы выглядел вполне буднично и, вероятнее всего, объяснялся корпоративными и личными связями. Один из них — начальник штаба Кавказской Туземной конной дивизии Половцов — всего двумя днями ранее представлялся в Ставке императору и завтракал за его столом. В мемуарах Половцов объяснял свое появление в составе комиссии Энгельгардта желанием участвовать в наведении порядка в столице¹².

Для офицеров-генштабистов, вставших на сторону переворота, борьба с «беспорядками» была наиболее удобным оправданием своего поступка, в котором они видели не политический выбор, а стремление исполнять служебный долг, находясь «над схваткой». Ключ к пониманию их позиции предложил подполковник Б. А. Энгельгардт: «Я отдавал приказ о занятии революционными войсками Адмиралтейства, являвшегося последним оплотом правительственных войск. Но в то же время я сговаривался с полковником Доманевским, начальником штаба отряда георгиевских кавалеров генерала Иванова, шедшего из Ставки на Петроград, для совместных действий в целях наведения “порядка”»¹³.

По мнению С. Д. Масловского (литературный псевдоним — С. Мстиславский), с увеличением числа офицеров в комиссии, ограничивалось влияние «советских» представителей в ней. Быстро менялась и ее организация: 28 февраля в составе Военной комиссии работало семь отделов, а спустя несколько дней их число достигло четырнадцати¹⁴. Вскоре штаб восстания уже трудно было узнать: «Чинно, в высочайше утвержденном порядке, стояли квадратиками неведомо откуда взявшиеся канцелярские столы. Несколько франтоватых писарей и две-три кокетливых, как полагается переписчицам, девицы с коками набекрень и затыканными гребеночками затылками, — уже стучали на машинках. Поблескивая погонями и аксельбантами, раскладывали на столах обертки “дел” новые, чужие, не виданные за эти ночи во дворце, на пробор расчесанные, гладенькие, бритые люди...»¹⁵ Так с ростом влияния Временного комитета Государственной думы его Военная комиссия постепенно перенимала функции штаба Петроградского военного округа, приобретая при этом привычный вид военно-бюрократического учреждения.

Через некоторое время военно-административный аппарат в столице и провинции после нескольких дней неопределенности вполне мирно перешел под контроль новой власти. Характерен рапорт в штаб Московского военного округа от Новосильского (Тульская губерния) уездного воинского начальника подполковника Якубовича от 16 марта 1917 г.: «Доношу, что объявление воинским

чинам о свержении старого и вступлении во власть НОВОГО ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА всеми офицерами и солдатами принято с восторгом... По обезоружению городской полиции, 2 марта солдаты подведомственных мне команд по моему приказанию приняли на себя наблюдение за порядком по городу, а также охрану Уездного Казначейства, Почтово-телеграфной конторы, Земской кассы и других учреждений... На верность службе РУССКОМУ ГОСУДАРСТВУ и повиновению ВРЕМЕННОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ офицеры и солдаты совместно со мной приведены к присяге 12 сего марта, после чего войскам Новосильского Гарнизона был произведен парад, по окончании коего была в городе манифестация с пением»¹⁶. В центре и на местах военные бюрократы с известным рвением начали служить новой власти, не столько сочувствуя ей, сколько стремясь сохранить свое положение в системе государственной иерархии.

На фоне политического переворота февраля — марта 1917 г. военно-административный аппарат обнаружил противоречивые тенденции и прецеденты, отражавшие кризисное состояние российской государственности. Ставка, будучи наиболее влиятельным органом военного управления, в сложной обстановке выступила как самостоятельный актер, готовый вести собственную политическую интригу. В противоположность этому в Петрограде Военное министерство и командование военным округом оказались не способны успешно руководить войсками в борьбе с восстанием, утратили контроль над ними и таким образом показали свою несостоятельность, не только политическую, но и военно-профессиональную. В период переворота военные учреждения и штабы по всей России склонны были занимать выжидательную позицию, но немедленно подчинились Временному правительству, как только стали определяться итоги внутреннего противостояния.

С падением монархии новая российская власть не пошла по пути пересоздания государственного аппарата. В частности, поэтому Военной комиссии Временного комитета Государственной думы не суждено было стать всероссийским органом военного управления. Унаследовав прежние далеко не идеальные управленческие институты, Временное правительство начало приспособлять их к собственным насущным задачам. В наибольшей степени это относилось к военному ведомству. Решений нового политического руководства ждал аппарат Военного министерства, лишившийся хозяина в дни восстания.

Пост военного министра в первом составе Временного правительства занял А. И. Гучков, как наиболее сведущий в вопросах обороны среди деятелей либеральной оппозиции царизму. Будучи весьма состоятельным человеком, Гучков отказался от министерского оклада — 15 тыс. руб. в год и 12 тыс. руб. в год на представительство. Приказ от 3 марта 1917 г. о вступлении нового министра в должность был призван подтвердить нерушимость сложившегося уклада работы ведомства и таким образом успокоить его персонал. Неизменными оставались распорядок дня в работе главных и отдельных управлений, порядок делопроизводства, дни и часы личных докладов у министра¹⁷. Однако следующие приказы по военному ведомству не могли игнорировать происшедших политических перемен. Приказ № 114 от 5 марта закреплял некоторые

положения знаменитого Приказа № 1 Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов — отменял титулование и запрещал обращение начальников к подчиненным на «ты», а также подтверждал разрешение военнослужащим участвовать в союзах и обществах. Рядом приказов начала марта 1917 г. была отменена смертная казнь в армии, упразднен Отдельный корпус жандармов, отменялись национальные, религиозные, сословные и политические ограничения при производстве в офицеры, установлен восьмичасовой рабочий день и создавались комитеты на артиллерийских заводах, подчиненных военному ведомству.

Самой предсказуемой формой активизации министерского аппарата под влиянием политических потрясений и смены руководства стали структурные преобразования. В бурной атмосфере 1917 г. находили воплощение как новые «бюротворческие» проекты, так и прежние, не состоявшиеся по тем или иным причинам. Следствием этого становился рост числа подразделений и штатов. В первой половине года в структуре Военного министерства возникли два новых Главных управления: военно-метеорологическое и по заграничному снабжению. Статус главного приобрело управление Военного воздушного флота. В составе Главного управления Генерального штаба (далее — ГУГШ) были созданы Центральное Военное почтово-телеграфное контрольное бюро и Главная военно-цензурная комиссия, произошел раздел отдела генерал-квартирмейстера на два особых — 1-го и 2-го генерал-квартирмейстеров. Наибольшие изменения за время войны произошли в Главном артиллерийском управлении: если в 1915 г. оно включало 12 отделений, то в мае 1917 г. — 21, в котором работали 980 офицеров и чиновников¹⁸.

Некоторые структурные перемены в Военном министерстве были определены продиктованы происходившими в стране политическими процессами. 18 мая образована Комиссия по приведению армии в состав мирного времени. После признания Временным правительством автономии Украины и в связи с развернувшейся кампанией по украинизации войсковых частей и соединений при Военном министерстве возникло представительство Центральной Рады. Намечалась реформа Военного совета, предполагавшая включение в его состав до половины выборных, причем не только офицеров, но и солдат.

Дух демократизации, охватившей в 1917 г. все сферы государственной и общественной жизни, по-своему влиял на повседневную практику деятельности министерства и стиль работы его персонала.

В мае Военный совет обсудил подготовленное Главным штабом Положение о чиновниках военного времени (утв. Временным правительством 7 июня), которое допускало назначение на классные должности унтер-офицеров, солдат и ратников ополчения, а также разрешало замещение должностей вплоть до начальника управления офицерами и чиновниками независимо от их класса по Табели о рангах. Определенные новшества наблюдались в делопроизводстве ведомства. Порядок его в министерстве после Февральской революции сохранялся, однако постепенно складывался заметно упрощенный стандарт работы с документами. В 1917 г. в связи с частыми поездками министра по стране большинство документов подписывалось его помощниками.

Особым распоряжением помощника министра генерала В. Ф. Новицкого от 24 апреля всем учреждениям военного ведомства предписывалось экономить бумагу. Оно разрешало писать документы на полулистах, на четверти листа, использовать простую писчую бумагу, делать исправления в машинописных документах и не перепечатывать их затем набело¹⁹.

Впоследствии А. И. Гучков отмечал, что либерализация служебной атмосферы в министерстве уже в весенние месяцы 1917 г. граничила с разложением и не отвечала задачам военного времени. Однажды в его кабинете при участии начальника ГУГШ генерал-лейтенанта П. И. Аверьянова был подготовлен срочный приказ, подлежащий немедленной рассылке. Гучков вспоминал: «Я говорю ему: “Распорядитесь, чтобы это сейчас было напечатано и разослано”. Он сконфузился и говорит: “Нельзя. Да ведь пять часов”. — “Ну так что же?” — “Да ведь мы ввели 6-часовой рабочий день. Еще писаря в штабе есть, но офицеров уже никого нет”. Главное управление Генерального штаба — война идет!.. Я чувствовал, что все слякотно, все расползлось»²⁰.

Важнейшим фактором, определявшим облик и активность Военного министерства в 1917 г., являлась политическая борьба, развернувшаяся в стране и армии. По сравнению с предыдущим периодом, в аппарате Временного правительства Военное министерство занимало наиболее влиятельное положение, а министерский пост принадлежал видным политическим деятелям, которые во многом определяли политику кабинета. Смена военных министров происходила в результате политических кризисов апреля и августа, что подчеркивает их ключевое положение в правительстве. В июле — августе 1917 г., когда пост военного министра сохранял за собой глава кабинета Керенский, была введена должность управляющего Военным министерством. Ее занимал известный деятель эсеровской партии Б. В. Савинков, которому принадлежала ведущая роль в организации взаимодействия политического руководства и Ставки Верховного главнокомандующего. В свою очередь, по представлению военного министра теперь осуществлялись назначения Верховного главнокомандующего. Каждый Верховный главнокомандующий 1917 г. был креатурой соответствующего военного министра. Так, назначение М. В. Алексеева состоялось только благодаря влиянию А. И. Гучкова, фигуры А. А. Брусилова и Л. Г. Корнилова стали выбором А. Ф. Керенского и отвечали его политическим замыслам; «своего» Главковерха не назначил лишь А. И. Верховский, так как пост был занят по совместительству министром-председателем Керенским.

Принципиально новым явлением для всей российской армии стало формирование политического аппарата Военного министерства. Первым шагом к нему было образование в структуре министерства Комиссии для переработки законоположений и уставов в точном соответствии с новыми правовыми нормами под председательством генерала А. А. Поливанова. К ее задачам относились обновление командного состава армии, подготовка декларации о гражданских правах военнослужащих, выработка предложений по улучшению их служебного и материального положения, об изменении порядка награждения солдат и офицеров, о войсковых комитетах в армии. Знаковой являлась фигура ее председателя — генерала А. А. Поливанова, бывшего царского воен-

ного министра с либеральной репутацией, пострадавшего от происков «темных сил», человека близкого Гучкову. Комиссия практически целиком состояла из генералов и офицеров Генерального штаба, что указывало на то ведущее положение, которое после революции заняла эта группа военной элиты. В ее состав вошли как опытные военные администраторы (генералы П. И. Аверьянов, А. П. Архангельский, А. З. Мышлаевский) и фронтовые начальники (полковники Ф. И. Балабин, П. А. Половцов), так и офицеры ГУГШ, зарекомендовавшие себя работой в Военной комиссии Временного комитета Государственной думы (полковники Г. А. Якубович, Г. Н. Туманов, Л. С. Туган-Барановский). Такое сочетание лиц с разным военным опытом, взглядами и интересами заведомо создавало предпосылки для внутренних конфликтов и волокиты. Все это не способствовало слаженной работе комиссии и придавало ей типичный канцелярский облик. Сотрудник комиссии полковник Половцов по этому поводу иронично замечал: «Поливановское сборище понемногу превращается в бюрократическую комиссию»²¹.

Итогом работы комиссии Поливанова стала Декларация прав солдата и гражданина (далее — Декларация), регламентировавшая взаимоотношения военнослужащих в новых условиях. Подготовленная совместно с военной секцией Исполкома Петросовета, Декларация была результатом политического компромисса и сочетала весьма противоречивые положения. С одной стороны, она требовала строгого соблюдения воинской дисциплины, допускала применение начальниками оружия, отрицала принцип выборности командного состава, с другой — подтверждала гражданские права военнослужащих, в том числе право состоять в любых политических и общественных организациях и открыто высказывать свои взгляды, разрешала применение наказаний только в судебном порядке, отменяла обязательное отдавание воинской чести. Такой документ не мог оправдать ожиданий высшего командования и послужить для восстановления в армии традиционного порядка. За это А. И. Деникин обвинял офицерский состав поливановской комиссии в «преступном оппортунизме»²². Уяснив реакцию Ставки, подписать Декларацию отказался и сам Гучков, что стало одной из причин его отставки.

С приходом в Военное министерство А. Ф. Керенского комиссия Поливанова была реорганизована в Особое совещание по преобразованию армии под председательством генерал-лейтенанта С. В. Покатова, в структуре же министерства создавалось новое управление — Кабинет военного министра. Основные его функции первоначально сосредоточивались в трех делопроизводствах: политическом («согласование деятельности военного ведомства с общей политикой Временного правительства»), осведомительном (связь с печатью и общественностью) и делопроизводстве «по сношению с войсками». Непосредственное руководство Кабинетом осуществляли помощники Керенского — Г. А. Якубович, Г. Н. Туманов, В. Л. Барановский²³.

События июльского политического кризиса требовали от лидеров Временного правительства усиления пропагандистской работы и политического контроля в армии. С этой целью 3 августа приказом военного министра и министра-председателя А. Ф. Керенского путем выделения политической части

из Кабинета военного министра было образовано Политическое управление Военного министерства. Первым исполняющим должность начальника управления в соответствии с Положением о чиновниках военного времени, т. е. без учета чина, стал офицер военного времени поручик Ф. А. Степун, до войны — доктор философии, близкий к эсерам. Политическое управление Военного министерства не случайно появилось в августе 1917 г., так как задумывалось для военно-административного и пропагандистского сопровождения корниловской программы оздоровления обстановки в стране и армии. После августовского кризиса и поражения выступления генерала Л. Г. Корнилова оно претерпело сокращение, а возглавил его подпоручик В. В. Шер — один из помощников нового военного министра А. И. Верховского.

Политическая активность должностных лиц Военного министерства определялась не только служебными обязанностями и положением, зачастую она была их личной инициативой, индивидуальным выбором. В условиях углублявшегося кризиса власти многие видные военные администраторы разочаровывались действиями официальных властей и структур и вовлекались в конспиративные группы и организации антидемократического, контрреволюционного толка. Полковник Б. А. Энгельгардт вспоминал об одной из встреч с начальником ГУГШ генералом П. И. Аверьяновым. Тот прямо утверждал, что опасность для власти и армии исходит от вождя большевиков Ленина и считал необходимым устранить его физически: «Мы назначили за его голову 200 тысяч рублей золотом»²⁴. Нашелся даже желающий — боевой офицер, эсер, но он не вызвал доверия²⁵.

Революционный 1917 г. ставил перед государственными институтами особые задачи, возможно, даже сверхзадачи. Однако аппарат, доставшийся Временному правительству новой России в наследство от царского, оказался не готов эффективно действовать в сложной, быстро менявшейся обстановке. Рефлексия и самокоррекция, инициатива и творчество были органически ему не свойственны. Деятельность Военного министерства, как любого бюрократического организма, становилась результативной и оправданной лишь при неукоснительном исполнении исходящего от него управляющего воздействия подчиненными структурами и лицами, а важнейшим его приоритетом оставалось самовоспроизводство. В условиях июльского и августовского кризисов Военное министерство не вышло из подчинения Временного правительства. Технически оно продолжало выполнять возложенные на него задачи, но окончательно проиграло борьбу за армию.

Осенью 1917 г. глубокий конфликт, расколовший власть и общество, стал очевиден даже для высших военных администраторов. Последний военный министр Временного правительства А. И. Верховский, который показал себя в дни корниловского выступления преданным сторонником Керенского, занял свой пост 30 августа. Приступая к работе, он надеялся затормозить процесс разложения армии, добиться некоторой общественной стабилизации, опираясь на авторитет демократических организаций и допуская контакты и компромиссы с любыми политическими силами. В течение полутора месяцев на посту министра Верховский пришел к убеждению, что уже не существовало ни мер, ни

доводов, которые заставили бы армию воевать, и спасение России состояло не в продолжении войны, а в немедленном мире. При этом он хорошо понимал, что отказ от ответственных решений таил угрозу для власти: «Тот, кто сейчас возьмет вопрос о приближении мира в свои руки, тот и получит власть»²⁶. В середине октября 1917 г. Верховский неоднократно ставил перед правительством вопрос о необходимости шагов, направленных на заключение мира, но, не встретив у членов кабинета поддержки, 19 октября заявил о своей отставке.

Октябрьский политический переворот и образование первого советского правительства — Совета народных комиссаров — положили начало формированию нового государственного аппарата. Уже 26 октября 1917 г. в первом составе Совнаркома возник орган высшего военного управления — Комитет по военным и морским делам, который вскоре (23 ноября) был преобразован в Народный комиссариат по военным делам. Создаваемые советской властью государственные институты не были связаны бюрократической традицией и целиком ориентировались на решение конкретных практических задач. Примером такого отношения являлся и первый советский Наркомвоен. Руководство им осуществляла коллегия народных комиссаров, каждый из которых отвечал за одно крупное направление: В. А. Антонов-Овсеенко был назначен главнокомандующим революционными войсками по борьбе с антисоветскими силами на Юге России; Н. В. Крыленко — Верховным главнокомандующим действующей армией; П. Е. Дыбенко стал председателем Верховной морской коллегии; Н. И. Подвойский — председателем коллегии по руководству Военным министерством.

Приступая к созданию своего военно-административного аппарата, новая власть тем не менее была весьма заинтересована в использовании организационного ресурса старых учреждений. Советское правительство не пошло на немедленный роспуск министерств, сохранявших за собой ответственные функции. В особенности это касалось Военного министерства, которое должно было решать задачи снабжения многомиллионной армии военного времени. Продолжение работы главных военных учреждений после октябрьского переворота стало возможным в результате добровольной и активной работы на стороне советской власти ряда генералов.

С первых дней революции функции неформального посредника между Наркомвоеном Н. И. Подвойским и управляющим Военным министерством генералом А. А. Маниковским взял на себя Генерального штаба генерал-майор С. И. Одинцов. Такая схема взаимодействия не отличалась надежностью, но временно обеспечила работоспособность министерства. В конце ноября 1917 г. управление Военным министерством перешло к коллегии во главе с Подвойским, но фактически его должен был осуществлять специалист, хорошо знакомый с работой высших военных органов. Назначение начальником Генерального штаба и одновременно помощником управляющего Военным министерством принял генерал-лейтенант Н. М. Потапов, который с июля 1917 г., будучи генерал-квартирмейстером Генерального штаба, имел контакты с Военной организацией при Петроградском комитете РСДРП(б)²⁷. Таким образом, работу Генштаба и министерства возглавил генерал, известный служащим

и пользовавшийся авторитетом у них, что позволило избежать протестов и саботажа с их стороны. В свою очередь, аппарат министерства оказался под контролем Наркомвоена.

Со второй половины ноября 1917 г. началось постепенное сокращение структуры Военного министерства. В ноябре — декабре были ликвидированы Политическое управление и канцелярия военного министра, распущена комиссия по приведению армии в состав мирного времени. В январе 1918 г. упразднены управления генерал-инспекторов, Кабинет военного министра, уволены председатель и члены Главного военного суда, распущено духовное ведомство. В марте последовало расформирование Главного интендантского управления. Упразднялись и отдельные структурные части главных управлений, некоторые главные управления меняли статус и переименовывались. Несмотря на продолжавшийся в течение семи месяцев процесс реорганизации, аппарат не прекращал работу. В мае 1918 г. уцелевшие подразделения бывшего Военного министерства были включены в структуру новых органов управления Красной армии. Всероссийский главный штаб объединил ГУГШ и Главный комиссариат военно-учебных заведений (ранее — Главное управление военно-учебных заведений). В Центральное управление снабжения передавались Главное артиллерийское управление, Главное военно-техническое управление, Главное квартирное управление, Главное управление пограничному снабжению, Военно-ветеринарное управление, Управление по ремонту армии, Главное управление военно-воздушного флота, Центральная научно-техническая лаборатория²⁸.

Образ поведения высших военно-административных органов в условиях развития революционного процесса определялся их принадлежностью к структуре государственного управления. Несмотря на то что наиболее авторитетные военачальники постепенно составили самостоятельное крыло антидемократической оппозиции Временному правительству, а затем возглавили вооруженное сопротивление Советам, учреждения военной администрации не стали соучастниками их борьбы с центральной властью. Будучи генетически частью правительственного аппарата, они более ориентировались на политическое руководство, адаптируясь к новым условиям и формам государственного бытия.

Судьба Военного министерства на фоне революционных событий 1917 г. временами складывалась драматично, но финал его представляется вполне закономерным. Как высший военно-административный орган армии традиционного типа, оно сохраняло лояльность и подчинение центральной власти, но не могло стать ее активным политическим агентом. Попытки Временного правительства и его лидеров приспособить Военное министерство к решению своих политических задач оказались поверхностными и поэтому безуспешными. После Октябрьского переворота аппарат министерства перешел под контроль Совнаркома, так же как в марте подчинился Временному правительству. Новая власть стремилась избавиться от наиболее архаичных черт и бюрократического стиля работы старого военного ведомства, но не собиралась отказываться от возможностей и потенциала его проверенных

и работоспособных компонентов. Наиболее функциональные структурные единицы и заметная часть персонала бывшего Военного министерства составили основу военно-административного аппарата Советской России, обеспечив преемственность в деле военного управления.

¹ См., напр.: *Кавтарадзе А. Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М., 1988; *Каминский В. В.* Брат против брата: офицеры-генштабисты в 1917–1920 гг. // Вопросы истории. 2003. № 11. С. 115–126; *Ганин А. В.* О роли офицеров Генерального штаба в гражданской войне // Вопросы истории. 2004. № 6. С. 98–111.

² См., напр.: *Сенин А. С.* Военное министерство Временного правительства. М., 1995; *Назаренко К. Б.* Флот, революция и власть в России: 1917–1921. М., 2011; *Безугольный А. Ю., Ковалевский Н. Ф., Ковалев В. Е.* История военно-окружной системы в России. 1862–1918. М., 2012.

³ См., напр.: *Сергеев Е. Ю.* «Иная земля, иное небо...» Запад и военная элита России (1900–1914 гг.). М., 2001; *Минаков С. Т.* Военная элита 20–30-х годов XX века. М., 2004; *Абинякин Р. М.* Увольнение бывших офицеров из РККА в 1921–1934 гг. // Вопросы истории. 2012. № 2. С. 91–103; *Гребенкин И. Н.* Долг и выбор: Русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914–1918 гг. М., 2015; *Чувардин Г. С.*: 1) Офицерский корпус российской императорской гвардии в системе военной и военно-политической элиты Российской империи 1881–1914 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2017; 2) Офицерский корпус Генерального штаба российской армии накануне Первой мировой войны: социальный облик «военного интеллектуала» // Ученые записки Орловского государственного университета им. И. С. Тургенева. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2018. № 1(78). С. 43–48.

⁴ *Кочубей В. С.* Вооруженная Россия, ее боевые основы. Париж, 1910. С. 26.

⁵ *Геруа Б. В.* Воспоминания о моей жизни: в 2 т. Т. I. Париж, 1969. С. 150–151.

⁶ *Воейков В. Н.* С царем и без царя: Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II. Гельсингфорс, 1936. С. 175.

⁷ Февральская революция 1917 года (Документы ставки верховного главнокомандующего и главнокомандующего армиями северного фронта) // Красный архив. 1927. № 2. С. 5–6.

⁸ *Спиридович А. И.* Великая война и февральская революция 1914–1917 гг. Минск, 2004. С. 510.

⁹ См. об этом: *Мартынов Е. И.* Царская армия в Февральском перевороте. Л., 1927. С. 70–71.

¹⁰ *Глобачев К. И.* Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. М., 2009. С. 121.

¹¹ Февральская революция 1917 года. С. 4–5.

¹² *Половцов П. А.* Дни затмения (Записки главнокомандующего войсками Петроградского военного округа генерала П. А. Половцова в 1917 году). М., 1999. С. 21–23, 25.

¹³ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее — НИОР РГБ). Ф. 218. Ед. хр. 384. С. 10.

¹⁴ Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 372. Оп. 1. Д. 22. Л. 102–104.

¹⁵ *Мстиславский С.* Пять дней. Начало и конец Февральской революции. Берлин; Пг.; М., 1922. С. 43–44.

¹⁶ РГВИА. Ф. 1606. Оп. 2. Д. 962. Л. 230.

¹⁷ РГВИА. Ф. 400. Оп. 21. Д. 4230. Л. 28.

¹⁸ Приводится по: *Сенин А. С.* Военное министерство Временного правительства. С. 135.

¹⁹ Там же. С. 145–147.

²⁰ Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. М., 1993. С. 102.

²¹ *Половцов П. А.* Дни затмения. С. 39.

²² Деникин А. И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль — сентябрь 1917 г. М., 1991. С. 301.

²³ Сенин А. С. Военное министерство Временного правительства. С. 191–192.

²⁴ НИОР РГБ. Ф. 218. Ед. хр. 384. С. 43.

²⁵ Там же.

²⁶ Верховский А. И. Россия на Голгофе (из походного дневника 1914–1918 гг.) // Военно-исторический журнал. 1993. № 8. С. 67.

²⁷ См. об этом: Потапов Н. М. Записки о первых шагах советского военного строительства // Военно-исторический журнал. 1968. № 1. С. 62–63.

²⁸ См. об этом: Сенин А. С. Военное министерство Временного правительства. С. 246–248.

Статья поступила в редакцию 20 ноября 2019 г.

Рекомендована в печать 5 марта 2020 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Гребенкин И. Н. Военная бюрократия и военные бюрократы: от Российской империи к Республике Советов // Новейшая история России. 2020. Т. 10, № 2. С. 297–314.

<https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.202>

УДК 94(47).083

Аннотация: Статья посвящена роли и судьбам военно-бюрократических институтов императорской России в революционных событиях 1917 г. Автор рассматривает формирование военной бюрократии и ее становление в качестве части военно-государственной элиты царской России как следствие процесса модернизации начала XX в. Значительное внимание уделено переменам в системе военного управления в годы Первой мировой войны, положению Ставки Верховного главнокомандующего в системе государственного управления, сущности конфликта военного командования и политического руководства страны. Предложен анализ позиции различных структур и уровней военного управления в государственном перевороте Февраля 1917 г. Автор подчеркивает, что неоднозначная и противоречивая роль основных военно-административных учреждений в революционных событиях отражала кризис государственного управления империи в начале 1917 г. Временное правительство целиком унаследовало старый аппарат военного управления и его персональный состав. Важным аспектом функционирования аппарата Военного министерства в новых условиях являлось его взаимодействие с политическим руководством страны. Рассмотрена эволюция военно-бюрократических структур государства в политической обстановке 1917 г. и различные направления их реформирования. Автор отмечает, что в условиях углубления революционного процесса Военное министерство продолжало технически исполнять свои функции, но утратило контроль над армией. В ходе Октябрьского переворота учреждения военного управления не выступили центром контрреволюционного сопротивления, а впоследствии относительно мирно перешли под контроль советского правительства. Наиболее функциональные структурные единицы и заметная часть персонала бывшего Военного министерства составила основу военно-административного аппарата Советской России, обеспечив преемственность в деле военного управления.

Ключевые слова: бюрократия, армия, Первая мировая война, революция, Россия, Ставка Верховного главнокомандующего, Военное министерство, Временное правительство, Совет народных комиссаров, Народный комиссариат по военным делам.

Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 19-09-00117А.

Сведения об авторе: Гребенкин И. Н. — д-р ист. наук, проф., Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина (Рязань, Россия); grin17.66@mail.ru

Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина, Россия, 390000, Рязань, ул. Свободы, 46

FOR CITATION

Grebenkin I. N. 'Military Bureaucracy and Military Bureaucrats: From Russian Empire to Soviet Republic', *Modern History of Russia*, vol. 10, no. 2, 2020, pp. 297–314.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.202> (In Russian)

Abstract: The article focuses on the role and history of military bureaucratic institutions in Imperial Russia during the revolutionary events of 1917. The author scrutinizes the military bureaucracy as a part of state military elite in tsarist Russia resulting from modernization at the beginning of the twentieth century. Positions in various structures and levels of military management during February 1917 are analyzed. The ambiguous and contradictory role of the main military administration was a reflection of the general crisis in the imperial state management in early 1917. The Provisional Government inherited the old military management apparatus and its staff. A relevant feature of the Military Ministry apparatus functioning under new conditions was its interaction with the political leadership. An analysis of the evolution of the state military bureaucratic structures in 1917 and various trends in their reformation reveals that in even revolutionary circumstances, the Military Ministry continued to perform its technical functions, although it lost control over the army. During the October *coup*, military management institutions did not become centers of counter-revolutionary resistance, and later came under control of the Soviet government in a relatively peaceful way.

Keywords: bureaucracy, army, World War I, revolution, Russia, Supreme commander's headquarters, Military ministry, Provisional government, Council of People's Commissars, People's Commissariat of military affairs.

This research was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project no. 19-09-00117A.

Author: Grebenkin I. N. — Dr. Sci. in History, Professor, S. A. Yesenin Ryazan State University (Ryazan, Russia); grin17.66@mail.ru

S. A. Yesenin Ryazan State University, 46, ul. Svobody, Ryazan, 390000, Russia

References:

- Abinyakin P. M. 'Dismissal of Former Officers from the Red Army in 1921–1934', *Voprosy istorii*, no. 2, 2012. (In Russian)
- Bezugolnyi A. Yu., Kovalevskiy N. F., Kovalev V. E. *The history of the military district system in Russia 1862–1918* (Moscow, 2012). (In Russian)
- Chuvardin G. S. 'The officer corps of the General Staff of the Russian army on the eve of the First World War: the social face of the "military intellectual"', *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta imeni I. S. Turgeneva*, Seriya: *Gumanitarnye i sotsialnye nauki*, no. 1(78), 2018. (In Russian)
- Chuvardin G. S. *The officer corps of the Russian imperial guard in the system of military and military-political elite of the Russian Empire 1881–1914* [Doctor of History Dissertation] (Moscow, 2017). (In Russian)
- Denikin A. I. *Essays on Russian Turmoil. Collapse of power and army. February — September 1917* (Moscow, 1991). (In Russian)
- Ganin A. V. 'On the role of officers of the General Staff in the Civil War', *Voprosy istorii*, no. 6, 2004. (In Russian)
- Gerua B. V. *Memoirs of my life*, 3 vols. (Paris, 1969–1970). (In Russian)
- Globachev K. I. *The truth about the Russian revolution. Memoirs of the former head of the Petrograd security department* (Moscow, 2009). (In Russian)
- Grebenkin I. N. *Duty and choice: a Russian officer during the years of World War II and the revolution. 1914–1918* (Moscow, 2015). (In Russian)
- Kaminskiy V. V. 'Brother against brother: officers of General Staff in 1917–1920', *Voprosy istorii*, no. 11, 2003. (In Russian)
- Kavtaradze A. G. *Military specialists in the service of the Republic of Soviets in 1917–1920* (Moscow, 1988). (In Russian)
- Kochubey V. S. *Armed Russia, its military foundations* (Paris, 1910). (In Russian)
- Martynov E. I. *Tsarist army in February coup* (Leningrad, 1927). (In Russian)
- Minakov S. T. *Military elite of 1920s–1930s* (Moscow, 1988). (In Russian)
- Mstislavskiy S. *Five days. The beginning and the end of February revolution* (Berlin — Petrograd — Moscow, 1922). (In Russian)
- Nazarenko K. B. *Fleet, revolution and power in Russia: 1917–1921* (Moscow, 2011). (In Russian)

- Polovtsov P.A. *Eclipse Days: Notes by General P.A. Polovtsov, Commander-in-Chief of the Troops of the Petrograd Military District in 1917* (Moscow, 1999). (In Russian)
- Potapov N. M. 'Notes on the First Steps of Soviet Army Construction', *Voenna-istoricheskii zhurnal*, no. 1, 1968. (In Russian)
- Senin A. S. *Ministry of War of the Provisional Government* (Moscow, 1995). (In Russian)
- Sergeev E. Yu. "Another earth, another sky...". *The West and the military elite of Russia (1900–1914)* (Moscow, 1988). (In Russian)
- Spiridovich A. I. *Great war and February revolution, 1914–1917* (Minsk, 2004). (In Russian)
- Verkhovskiy A. I. *Russia at Calvary (from the campaign diary 1914–1918)* (Petrograd, 1918). (In Russian)
- Voeykov V. N. *With and without tsar. Memoirs of the last palace commandant of the Emperor Nicholas II* (Helsinki, 1936). (In Russian)

Received: November 20, 2019

Accepted: March 5, 2020